

*Если вы нашли эту книгу,
пожалуйста, верните её Дилейни*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Не будь так темно, не окоченей его пальцы от запёкшейся крови, он смог бы открыть этот замок за тридцать восемь секунд.

Сэмми Лу гордится своим рекордом. Это одна из немногих вещей, которыми он может гордиться, учитывая, что жизнь его состоит из замков, карманов, битком набитых украденными монетами, развязавшихся шнурков и боли в животе, то ли от голода, то ли от одиночества.

Скорее от голода.

К одиночеству давно пора привыкнуть.

Просто нужно взломать этот чёртов замок, пока кто-нибудь не увидел и не вызвал полицию. Дом пустует уже несколько дней — об этом свидетельствуют давнишняя газета на подъездной дорожке, задёрнутые шторы и отсутствие света по вечерам. Он знает. Он следил.

И вот Сэм уже больше двух минут зависает над этим замком. Ладони у него стали скользкими от пота, засохшая кровь между костяшками пальцев снова увлажнилась. Отмычки, подарок брата, которые обычно так и мелькают в его тонких, провор-

ных пальцах, кажутся слишком тяжёлыми. Слишком неповоротливыми.

Нельзя, чтобы его поймали.

Вот уже год, как Сэм лазит по чужим домам.

Нельзя, чтобы его поймали.

Одна из отмычек застревает, и взломщик шёпотом бранится. Он осторожно высвобождает отмычку, но сердце у него бешено колотится, а секунды проносятся слишком быстро, поэтому Сэм бросает возню с замком и снова растворяется во мраке. Ведь в запасе всегда есть ещё один способ.

Сэм тихонько крадётсЯ вокруг дома, развязавшиеся шнурки щекочут ему лодыжки. Дом старый, кирпичный, жалюзи на окнах закрыты. Здесь из-за высокой ограды, загораживающей лунный свет, обзор намного хуже. Но под маленьким окошком притулилась поленница, приветливо зазывающая к себе.

Сэм кладёт рюкзак на траву и взбирается на поленницу, с осторожностью переставляя ноги и руки, чтобы не оказаться погребённым под лавиной дров. Ему и без того досталось, большое спасибо. Руки ощупывают маленькое окошко ванной, и в кои-то веки Сэм радуется тому, что избежал скачков роста, с которыми нередко сталкиваются пятнадцатилетние мальчишки. Он отстаёт от ровесников на год. Может, на два. Как правило, невзрачный, жалкий вид работает на него, к тому же превращает тесные окна и узкие закоулки в дополнительные возможности.

Пока Сэм, балансируя и хватаясь за стену, возится с замком, поленница издаёт зловещий скрежет и приходит в движение.

Запирать двери эта семейка наловчилась.

А вот поленницы они складывают отстойно.

Если и это не удастся, ему придётся...

Сердце Сэма подпрыгивает метров на пятнадцать — и, к несчастью, ноги следуют его примеру. Какое-то мгновение он цепляется за стену, обдирая кончики пальцев о кирпичи, но затем теряет равновесие и опрокидывается назад. Отмычки летят в темноту.

По крайней мере, падать невысоко.

По крайней мере, поленница не разъехалась.

По крайней мере, думает Сэм, всё ещё лёжа на спине и разглядывая размытый силуэт на фоне звёзд, это всего лишь его братец.

Минуту парень неподвижно лежит на росистой траве в мгновенно промокшей рубашке, пока сердце возвращается на место.

— Чёрт возьми, Эйвери, — бурчит он.

— Я не принёс молоток. — Эйвери достаёт из кармана телефон, включает на нём фонарик и светит прямо в глаза Сэму. — Но мы могли бы воспользоваться камнем или, к примеру, твоей головой, она ведь довольно твёрдая и всё равно некрасивая. — Он издаёт едва слышный смешок, но быстро добавляет: — Шутка. Я пошутил. Ты же понимаешь, что это шутка, правда?

К такому Сэм сегодня вечером готов не был. Препоны, осложнения и...

Эйвери.

Эйвери не должен был тут появиться, разве только...

— Что-то случилось? — Сэм прикрывает глаза от яркого света фонарика. — Ты поранился, или ку-

да-то влип, или... — У него учащается пульс. — С тобой всё в порядке?

— Что? — Эйвери растерянно моргает. — Да, всё хорошо.

До этого «всё хорошо» Сэм и не сознавал, насколько он напряжён. Как у него внезапно затряслись руки. Он вынужден на минуту закрыть глаза, чтобы с трудом взять себя в руки. Всё хорошо. У Эйвери всё хорошо.

Сэм кое-как поднимается и рявкает:

— Выключи ты этот фонарик!

Он не хотел срываться. Виной всему беспричинный приступ паники.

— Спятил, что ли? — Эйвери прижимает телефон к груди, будто это может помешать Сэму отнять его при большом желании. Эйвери — это острые локти и подбородок, шрам в уголке рта и заострённое лицо эльфа: ясно, что он тоже оставил всякие попытки подрасти.

— Спятишь тут. — Сэм стискивает зубы. — Выключи его, а то отлуплю как миленького.

Брат хмурится, но фонарик выключает.

Теперь Сэм ничего не видит в темноте. Он напрягает слух, но не улавливает ни шороха, ни шёпота. Ни воя сирены. Его не засекли.

— Я могу дать тебе телефон, — говорит Эйвери, покачиваясь на пятках. — Он всё исправит.

Конечно, Эйвери. Телефон непременно исправит тот факт, что Сэм — вор, крадущий дома, в одежде, которую стащил из секонд-хенда, с волосами, которые уже несколько месяцев как пора подстричь, с выпирающими рёбрами, которые красноречиво свидетельствуют о всех несъеденных им обедах.

Пальцы Сэма сами собой сжимаются в кулаки. Они липкие от крови. Всё равно это блеф, потому что он никогда не лупил Эйвери. Собственно, всё как раз наоборот. Сэм только и делает, что лупит весь остальной мир и сглаживает острые углы, чтобы Эйвери не упал и не ушибся.

— Не пришлось бы ничего исправлять, — говорит Сэм с едва заметной дрожью в голосе, — если бы ты перестал всё портить.

Результат мгновенный.

Эйвери поникает и прячет голову в плечи, стремясь стать совсем маленьким. Сэм тупица, какой же он *тупица*. Нельзя было так говорить.

— Я не это имел в виду. — Сэм шарит руками по траве, тщетно стараясь разыскать отмычки. Вдруг он найдёт здесь сто долларов и обед из пяти блюд. Но Эйвери уже начал беспокойно помахивать вытянутыми вдоль бёдер руками, словно трепещущими крыльями, охваченный одним из своих бесконечных тиков. Уголки его тонких губ опустились, характерная гримаска несчастного беспризорника и полные слез глаза напоминают тебе, что ты полный придурок, если вздумал злиться на него.

— Почему ты не слышал, как я подошёл? — спрашивает Эйвери. — Ты же вроде как грабитель. — Он озирается по сторонам и уже не хлопает ладонями по бёдрам, а с силой молотит себя по ноге кулаком. — Нам нужно попасть внутрь, пока нас не поймали, и...

— Ладно, ладно, успокойся. — Сэм потирает виски. — Что ты имеешь в виду, говоря «мы»?

Эйвери касается кончиками пальцев груди Сэма.

— Ты. И я... Мы...

Сэм открывает рот, чтобы возразить, но стоит ли утруждать? Эйвери не должен быть здесь, даже если Сэм имел неосторожность сообщить ему, в какой дом он собирается проникнуть сегодня вечером. Но если Эйвери решает войти — он входит. Сэм ни разу в жизни не сказал ему «нет». К тому же они и впрямь расшумелись. Что-то сегодня вечером Сэм не в форме. Две неудачные попытки взлома, а теперь эта перебранка на чужом заднем дворе с братом, который мастер всё испортить, а потом пустить слезу, так что Сэм чувствует себя чудовищем.

Не то чтобы это неправильное чувство. Особенно когда у него кровь на костяшках пальцев.

Внезапно на Сэма наваливается страшная усталость. Она не имеет отношения к ноющей скуле, ушибленной груди и двум замкам, с которыми не удалось справиться.

Дело только в том, и исключительно в том, что он стоит между лужицами лунного света и собирается залезть в дом, который не принадлежит ему и никогда не будет принадлежать, просто чтобы было где переночевать.

— Заткнись и иди за мной, — говорит Сэм, хватая свой рюкзак. — Тихо. И не... не ломай ничего. Я хочу остаться здесь на несколько дней. Ты ведь знаешь, как я работаю.

Эйвери что-то мычит себе под нос: возможно, выражает согласие, а возможно, просто не слушает брата. Сэм подавляет раздражение. Дыши. Дыши ровно.

Он направляется к задней двери — своей последней надежде; Эйвери следует за ним, рассеянно подёргивая руками.

Задний двор представляет собой патио, настолько загромождённое мебелью, что она едва позволяет протиснуться к двери. Сэм осматривает замок и вытаскивает из кармана скрепки. Он держит их про запас на всякий случай. Трудно справиться с замком без прочного крючка. Пальцы у парня дрожат.

— Что, психуешь? — непринуждённым тоном интересуется Эйвери.

Сэм ещё сильнее тычет в замок.

— Может, объяснишь, с какого перепуга ты сюда заявился?

Конечно, хорошо, что Эйвери рядом — значит, ему ничего не угрожает и за ним можно присмотреть, но где-то в тёмной, эгоистичной глубине своего сердца Сэм предвкушал, что сегодня ночью он сможет спокойно выспаться. Вообще-то Сэм всегда беспокоится о брате, вне зависимости от того, рядом он или нет. Но ночь, проведённая в одиночестве, дала бы ему некоторую передышку.

В самом деле, Сэм? Это ведь твой брат. Тебе не нужна передышка. Нельзя мечтать о таком.

— Я просто соскучился, — отвечает Эйвери.

— Само собой, — говорит Сэм, прекрасно зная, что Эйвери не уловит сарказма. — Ты здесь определённо не потому, что тебе что-то понадобилось.

Когда-то они крали дома вместе, но этому быстро пришёл конец, поскольку Эйвери нуждается в однообразии, а частая смена жилья вызывала у него бесконечные нервные срывы, так что даже Сэм был на грани. А сейчас? Эйвери ночует на задах автомастерской, надеясь, что хозяин его не застукает, а днём тусуется с компанией двадцатилетних пар-

ней, которые заставляют его выполнять грязную работу и уверяют, что он классный, а он лыбится, как взбудораженный щенок, и ни хрена не догоняет, что его просто используют. Они разрешили ему ночевать на сломанном диване. И это вот однообразие? Вести такую собачью жизнь только потому, что она не меняется? Эйвери выбрал её, чтобы не оставаться с Сэмом, в надежде, что брат, может быть, найдёт им место, где можно будет спать каждую ночь. Теперь он заявляет Сэму, что у него «есть друзья, работа и он сам может о себе позаботиться».

А потом, когда у Эйвери неизбежно срывает резьбу, он снова тут как тут, и Сэму приходится всё исправлять.

Всегда.

Потому-то Сэм сегодня весь в крови и синяках, не так ли? Он опять всё исправлял ради Эйвери. Но если брат узнает, что Сэм натворил сегодня вечером, почему он взял и избил кого-то, он сорвётся. Так что всё просто: он ничего не узнает.

Всё в той же порочной глубине своего сердца Сэм задаётся вопросом: почему старший брат не надумает держаться подальше от младшего, раз уж тот часто решает проблемы при помощи кулаков, здорово пугая Эйвери. Но ведь Сэм делает это ради Эйвери, поэтому несправедливо его судить...

Просто не... не надо думать об этом.

Сэм поворачивает скрепку, и в замке раздаётся отрадный щелчок. Наконец-то.

Эйвери кусает губу.

— Тебе не одиноко так жить?

Сэм всегда один, даже когда Эйвери стоит в шаге от него. Ему не хочется отвечать, брат всё равно

не поймёт, поэтому он молча открывает дверь и пропускает Эйвери вперёд, с облегчением ощущая, как выравнивается пульс. Теперь нужно смыть кровь. Потом свернуться калачиком в мягком кресле. И наслаждаться покоем.

Вот только Эйвери ещё здесь, а Эйвери не знает, что такое покой.

Он вваливается внутрь, щёлкает выключателем, и *предположительно* пустой дом заливают яркий оранжево-золотистый свет.

Сэм пулей пронесётся через комнату и снова щёлкает выключателем.

— Хочешь меня запалить?

— Но почему...

— Нет, стой, просто... остановись. — От еле сдерживаемого гнева Сэм скрипит зубами. — Закрой жалюзи. Ладно, не надо, я сам. А ты помолчи.

Эйвери тем временем уходит, рассеянно обшаривая глазами комнаты и прикидывая стоимость дома. Сэм, оставшись один, закрывает жалюзи и пытается справиться с очередным нервным приступом: его взломы ничего подобного не предполагают. Эйвери действительно всё портит. У Сэма свои методы, свой порядок действий, благодаря которому он чувствует себя в безопасности и покое. Ему удаётся урвать несколько часов, когда пульс не выстукивает татуировку на черепе. Когда он может дышать. Он становится мальчиком-невидимкой, обитающим в пустом доме.

А Эйвери отнюдь не невидимка.

Вот и теперь он бродит по дому, включая везде свет, лапая всё подряд и бегло комментируя, сколько им дадут за эти вещи в ломбарде.